

Мы убьем его после завтрака

— Ри Хван —

18+

Ри Хван

Мы убьём его после завтрака

«Автор»

2026

Хван Р.

Мы убьём его после завтрака / Р. Хван — «Автор», 2026

Лондон, магический викторианский век. Город терроризирует убийца Шёпот, оставляющий на телах аристократок руны и стихи. Главный подозреваемый — лорд-инспектор Каллум Блэквуд: алиби нет, магия темна, жертвы связаны с ним. Эстер Харт — вдова и владелица газеты «Полуночный вестник». Она расследует преступления через соблазнение, добывая тайны в постели. Её зовут «Мата Хари магического мира». Три года она ищет правду о гибели мужа. Каллум предлагает сделку: доступ к делу Шёпота в обмен на роль его невесты. Фальшивая помолвка — идеальное прикрытие. Она будет спать в его постели (понарошку), целовать на балах (понарошку) и игнорировать реакцию тела на его голос. Но чем ближе они становятся, тем сложнее отличить игру от реальности. Его поцелуи слишком горячи, а взгляд обещает больше, чем условия сделки. Каллум — лучший лжец, которого она встречала. Он говорит «люблю» так убедительно, что она почти верит. Шёпот на свободе. Следующая жертва — сама Эстер.

© Хван Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Мы убьём его после завтрака

Глава 1

Редакция «Полуночного вестника» ютилась на втором этаже бывшего табачного склада у самой Темзы — три комнаты с облупившимися стенами, низкими потолками и окнами, выходящими в кирпичную стену соседнего здания. Запахи здесь смешались в ядовитый коктейль: типографская краска с металлической ноткой, дешёвый табак, влажная бумага и застарелый страх. Страх источали репортёры, которым не платили уже четырнадцать дней, и которые боялись даже заикнуться об этом, потому что Эстер Харт умела увольнять так, что человек потом не мог найти работу во всём Лондоне.

Она сидела за своим столом — массивным, дубовым, с выщербленным краем, где отбила угол чья-то тяжёлая рука, — и диктовала наборщику Миллеру текст передовицы. Ноги она поджала под юбку: туфли слетели ещё час назад, и босая ступня касалась прохладного деревянного пола, нащупывая щербинки и выбоины. На ней было платье изумрудного шёлка — слишком яркое для редакции, слишком дорогое для женщины, которая, по слухам, вот-вот обанкротится, слишком вызывающее для викторианской вдовы. Глубокое декольте обнажало ключицы — острые, с едва заметной ложбинкой, на которую Миллер старался не смотреть и смотрел постоянно. Волосы, цвета тёмной меди, были уложены в сложную причёску: тяжёлые жгуты скреплялись гребнем из черепахового панциря, но несколько непослушных прядей уже выбились и касались её шеи, оставляя на коже тонкие рыжеватые тени.

— Герцог Уэстморленд, — произнесла Эстер, не поднимая глаз от своих заметок, — предпочитает брюнеток, но совершенно не умеет целоваться. Поставьте восклицательный знак. Жирный. Размер кегля — как для заголовка.

Миллер замер над кассой с литерами. Его длинные нервные пальцы, покрытые чернильными пятнами, зависли в воздухе. Кадык дёрнулся, как у человека, который проглотил что-то слишком острое. Он был тощий, почти прозрачный — кожа на скулах натянута так, что виднелся рисунок вен.

— Миссис Харт, — выдавил он тонким голосом. — Мы действительно напечатаем это?

Эстер подняла на него взгляд. Зелёный, с золотыми крапинками, которые становились заметнее, когда она злилась или когда придумывала что-то особенно жестокое. Сейчас она придумывала.

— Миллер, я плачу вам гинею в неделю не для того, чтобы вы обсуждали мои статьи. Я плачу вам для того, чтобы вы их набирали. Восклицательный знак. Заглавная «Н» в начале абзаца. И не вздумайте смягчать формулировки — я проверю.

Миллер сглотнул и уткнулся в коробку с литерами. Его пальцы задрожали с новой силой, и Эстер услышала, как металлическая пластинка звякнула о деревянный стол — он выронил буквицу. Она не стала его утешать. Утешения — удел слабых, а Эстер Харт не была слабой ни единой клеткой своего тела.

В комнате стоял гулкий полумрак, разбавленный жёлтым светом масляной лампы на её столе. Второй источник света — железная печь-буржуйка в углу, которая отчаянно пыталась согреть помещение и проигрывала этой битве каждую зиму. За ширмой, отделявшей её личное пространство, тускло горел ещё один светильник, и там, на стуле с высокой спинкой, дремал её лучший репортёр — мальчишка с лисьим лицом, который мог раздобыть информацию там, где Скотленд-Ярд пасовал. Но сейчас мальчишка спал, положив голову на стол, и Эстер не стала его будить.

Она взяла перо, обмакнула в чернильницу — старую, с засохшими краями, где на дне плавала муха, угодившая туда ещё прошлым летом, — и дописала фразу в своём блокноте.

Чернила расплывались на дешёвой бумаге, оставляя разводы, но она привыкла читать сквозь пятна. В блокноте было исписано уже двадцать страниц: признания герцога, имена его любовниц, цифры долгов, адреса тайных встреч. Через три дня всё это появится в «Полуночном вестнике», и герцог Уэстморленд будет разорён. Или не разорён, но как минимум публично опозорен.

Она не чувствовала вины. Герцог обманул жену, обманул казну, обманул своих детей. Если бы Эстер не вытянула из него правду, это сделал бы кто-то другой — но тот другой сделал бы это грубо, с угрозами или за деньги. Она же сделала это с улыбкой, с лаской, с тем особым прикосновением, которое заставляло мужчин открываться настежь. Она не считала это проституцией. Это была работа, просто работа, и она была в ней чёртовски хороша.

Она уже собралась диктовать следующий абзац — о том, как герцог плакал на её плече, когда рассказывал о первой любовнице, — но в этот момент в дверь влетела Мэйбл.

Горничная Эстер, бывшая воровка с Мейфэйра, не умела входить иначе как с шумом. Она была маленькой, жилистой, с тёмными глазами навыкате и волосами цвета мокрой соломы, которые она стягивала в пучок на затылке, — и вечно этот пучок разваливался, и чёлка падала ей на глаза, и она сдувала её раздражённым выдохом. Сейчас она сдула её три раза за две секунды.

— Миссис Харт! — выпалила она, задыхаясь от быстрого бега по трём пролётам лестницы. — Полиция! Арестовали ещё одного! По делу Шёпота!

Эстер отложила перо. Чернильная капля упала с кончика на бумагу — тёмное пятно, похожее на глаз.

— Говори толком, Мэйбл. Кого арестовали?

Мэйбл оперлась руками о стол, втянула воздух сквозь зубы и выпалила:

— Лорда Блэквуда. Инспектора Каллума Блэквуда. Везут его в участок на Боу-стрит. Говорят, нашли новую жертву, и она была с ним связана. Вся полиция встала на уши. Его приведут через час — сейчас карета выехала из резиденции.

Эстер почувствовала, как её пульс ускорился на долю секунды. Она переспала с половиной лондонской элиты, но с Каллумом Блэквудом не спал никто. Этот человек был непроницаем, как стальная дверь, — и именно поэтому он был для неё интереснее всех остальных. Она писала о нём три раза за последние два месяца. Первая статья: «Лорд-инспектор или лорд-убийца?» Вторая: «Тень Блэквуда: кому выгодны смерти аристократок?» Третья: «Тёмная магия и тёмные дела: почему Скотленд-Ярд покрывает чудовище?» Все три статьи были написаны с холодной яростью, потому что Блэквуд ни разу не дал ей интервью. И ни разу не прислал опровержение. И ни разу не явился в редакцию с угрозами, как делали все остальные подозреваемые, стоило им прочитать её разоблачения.

Он игнорировал её. И это было хуже, чем ненависть. Это было оскорбление.

Эстер встала из-за стола, приподнимаясь на цыпочках — она всегда вставала так, резко и пружинисто, будто её подбросило. Юбка изумрудного шёлка шелестнула по полу, оставляя на пыльных досках светлый след.

— Карета уже выехала?

— Час назад, — выдохнула Мэйбл. — Но она поедет по набережной Виктории, а потом повернёт на Стрэнд. Они проедут мимо нашей конторы. — Она перевела дыхание. — Если вы выбежите сейчас, то увидите.

Эстер не стала задавать глупых вопросов. Она уже бежала к двери.

Платье мешало. Оно было слишком длинным, слишком узким в бёдрах, слишком чёртовым викторианским. Она скинула туфли на каблуках у самого порога, подхватила юбку обеими руками и побежала вниз по лестнице босиком — деревянные ступени были холодными и скрипучими, и каждый шаг отдавался эхом в пустом подъезде. Волосы распустились ещё больше — черепаховый гребень соскользнул и упал на третьей ступеньке, и она не стала его поднимать.

Она вылетела на улицу как пуля.

Лондон в предрассветный час был серым и промозглым. Узкие улочки пахли углём и мокрым булыжником, фонари догорали, разбрасывая оранжевые пятна света на грязный тротуар. Где-то вдалеке кричал разносчик газет, над Темзой стоял туман — тот самый лондонский смог, который делал город похожим на акварельный рисунок, размытый и призрачный.

Она вбежала на угол, туда, где набережная встречалась с Стрэндом, и встала, глядя вдаль.

Карета была уже близко — чёрная, с гербами Скотленд-Ярда на дверцах, запряжённая парой гнедых лошадей. Она двигалась неспешно, потому что лондонские улицы в час пик были забиты, даже в такую рань.

Эстер стояла на тротуаре, босиком, с растрёпанными рыжими волосами, в изумрудном платье, которое выглядело так, будто она сбежала с бала в полночь, и ждала. Лошади приближались. Карета подъезжала всё ближе, и Эстер видела, как кучер на козлах хмурится и дёргает поводья, чтобы объехать выбоину.

Она смотрела в окно кареты.

В окне сидел Каллум Блэквуд.

И он смотрел на неё.

Эстер не видела его раньше так близко. На газетных гравюрах он выглядел как все аристократы — высокомерный, скуластый, с идеально уложенными тёмными волосами. Но гравюры не передавали того, что она увидела сейчас.

Тёмные волосы были уложены безупречно — ни единой пряди не лежало не на месте, даже после ареста. Но глаза... глаза были тёмно-серыми, почти чёрными, и в них мерцали золотые искры. Глаза убийцы или глаза человека с «сломанной магией», как писали в отчётах. Глаза, которые видели смерть. Нос с горбинкой — сломан, наверное, в юности, — придавал его лицу хищность, а тонкие губы были сжаты в холодную усмешку.

Он улыбнулся ей.

Не широко. Не дружелюбно. Одними уголками губ, криво, цинично, с таким выражением, будто он знал про неё всё — про герцогов, про любовников, про её пистолет в подвязке, про её травму и её тайны.

Он смотрел на неё, и в его взгляде не было страха, не было удивления, не было даже любопытства. Только лёгкое, почти насмешливое узнавание.

— Ну здравствуй, миссис Харт, — прошептала она его губами, читая по движению. Он не произнёс этого вслух, но его рот сказал именно эти слова.

Карета проехала мимо, и она осталась стоять на тротуаре, босая, с бешено бьющимся сердцем, глядя вслед чёрному экипажу, который исчезал в тумане.

Она не успела ничего сказать. Она вообще не успела пошевелиться. Потому что в ту секунду, когда их взгляды встретились, у неё внутри что-то щёлкнуло — не громко, не больно, а так, как щёлкает замок, когда ключ поворачивается в скважине.

«Чёрт бы тебя побрал, лорд Блэквуд», — подумала она и поняла, что это не проклятие. Это было обещание.

Она вернулась в редакцию через десять минут, хромая — камешек впился в босую пятку, и она выковыряла его только у самого входа. Мэйбл ждала её на лестнице, прислонившись к перилам, и сдувала чёлку с глаз.

— Ну что? — спросила она.

— Он видел меня, — сказала Эстер, поднимаясь по ступенькам. — И он улыбнулся.

— Улыбнулся? — Мэйбл прищурилась. — Какой ещё улыбкой? Глазами? Ртом? Тем, как он держит лицо?

— Мэйбл, ты слишком много задаёшь вопросов.

— Миссис Харт, вы босиком, с распущенными волосами, и у вас потерян гребень. Вопросы — меньшее, что я могу задать. — Горничная подошла ближе и шепнула: — Вы влюбились в него прямо на улице, да?

Эстер посмотрела на неё в упор.

— Я не влюбляюсь, Мэйбл. Я работаю.

Она поднялась на второй этаж, прошла в свою комнату за ширмой и упала в кресло, глядя в потолок. Черепаховый гребень потерян, платье испачкано в уличной грязи, а на душе было странное, липкое чувство, которое она не могла определить.

Она ненавидела его. Он был подозреваемым в серии убийств, он был высокомерным лордом, который не давал ей интервью и который смотрел на неё как на забавную букашку. Но в ту секунду, когда их глаза встретились, она почувствовала то, чего не чувствовала ни с одним мужчиной за последние три года.

Она почувствовала, что он её видит.

Не её платье, не её грудь, не её репутацию. Он видел её. И это было опасно. Опасно для её расследований. Опасно для её сердца, которое, как она считала, умерло вместе с мужем. Опасно для всего.

Она закрыла глаза и провалилась в короткую дремоту, в которой снова увидела его лицо — сломанный нос, золотые искры, кривая усмешка, и голос, который она никогда не слышала, но который уже знала.

«Ну здравствуй, миссис Харт».

Она проснулась от шороха в темноте.

В комнате было темно — свечи догорели, масляная лампа погасла. За окном — глухая ночь, только уличные фонари отбрасывают оранжевые полосы на потолок. В редакции тишина, даже Миллер ушёл. Только Мэйбл храпит где-то в углу на продавленном диване.

Но в тишине был шорох.

Эстер открыла глаза и сразу поняла — она не одна.

Она лежала в своём кресле, за ширмой, в полумраке, и чьё-то дыхание было рядом — в полуметре, не больше. Она не двинулась, не вскрикнула. Она медленно, плавно опустила руку под подушку — там, где лежал её маленький пистолет. Кожаный ремешок, сталь, холодный приклад.

— Не советую, — раздался голос из темноты. Низкий, хриловатый, с лёгкой хрипотцой, как будто его обладатель только что проснулся или курил весь день. — У меня руки быстрее.

Эстер замерла. Она узнала этот голос. Она не слышала его никогда, но она узнала его — потому что в ту секунду, когда она смотрела в окно кареты, она уже знала, как он зазвучит.

Она медленно повернула голову.

В полумраке, у самого входа за ширму, стоял Каллум Блэквуд. В чёрном сюртуке, чёрном жилете, белоснежной рубашке — идеально, будто он только что вышел из портняжной мастерской. На левой руке — браслет, тускло мерцающий в темноте, браслет-подавитель. На лице — никаких эмоций. Только глаза, тёмно-серые, почти чёрные, с золотыми искрами, смотрят на неё в упор.

— Как вы... — начала она, и голос сорвался.

— Дверь была открыта, — сказал он бесстрастно. — И я умею открывать замки. Это не сложно, когда у вас такая дрянная дверная щеколда. И когда ваша горничная спит как убитая.

Он переступил с ноги на ногу, и в тусклом свете уличного фонаря она увидела его руки — длинные пальцы, с тонкими шрамами на костяшках. Руки человека, который не только пишет документы. Руки, которые держали оружие.

Эстер нащупала пистолет и вытащила его, направив прямо в его грудь.

— Убирайтесь, — сказала она, и её голос звучал ровно. Ни тени страха. Ни дрожи. Только ледяное спокойствие. — Вы арестованы по подозрению в убийствах. Если вас увидят здесь, я в лучшем случае стану соучастницей, в худшем — следующей жертвой.

Каллум не двинулся. Он даже не взглянул на дуло пистолета. Он просто стоял, глядя на неё, и на его лице появилась та же улыбка, что и в карете. Кривая. Циничная. И на удивление — тёплая.

— Ваша горничная заперла дверь. Я её открыл. Я вошёл. Я не тронул ни вас, ни её. — Он склонил голову набок, и его голос стал тише, почти доверительным. — Если бы я был Шёпотом, вы бы уже были мертвы, миссис Харт. Я не убиваю женщин. Я их спасаю. Но вы не обязаны мне верить.

— Не обязана, — согласилась она, но пистолет не опустила.

— Хорошо. — Он сделал шаг вперёд, и она увидела его лицо в деталях: глубокие морщины у глаз, слишком ранние для его возраста; лёгкая щетина на скулах; тонкая бледная кожа, под которой проступают вены. — У нас есть разговор, миссис Харт. Я предлагаю сделку.

Она молчала, сжимая пистолет.

— Вы хотите поймать Шёпота, — сказал он. — Я знаю, что вы расследуете эти убийства. Я знаю, что вы переспали с герцогом Уэстморлендом только затем, чтобы он рассказал вам о связях в полиции. Я знаю, что вы ищете того, кто убил вашего мужа. — Он замолчал, и его глаза на мгновение потемнели, стали почти чёрными. — И я знаю, что вы не верите ни единому моему слову.

Он сделал ещё шаг. Теперь он был в метре от неё. Она могла дотянуться до него рукой, и он не двигался, не отступал.

— Но я предлагаю вам то, что вы не получите нигде, — сказал он. — Полный доступ к материалам дела. Все протоколы. Имена свидетелей. Закрытые отчёты. Вы сможете напечатать их первой. Это будет сенсация. Ваша газета прославится. — Он наклонился к ней, почти коснувшись её лица своим дыханием. — Взамен вы притворитесь моей невестой.

Эстер замерла.

— Что простите?

— Моей невестой, — повторил он, и его голос был абсолютно серьёзным. — Светское общество считает меня чудовищем. Если у меня появится невеста — красивая, скандальная, известная своим расследованиями, — они перестанут думать, что я убийца. И я смогу работать. А вы сможете получить доступ к материалам. — Он усмехнулся, и в его усмешке не было ни капли веселья. — Мы будем спать в моей постели. Понарошку. Целоваться на балах. Понарошку. И делать вид, что мы не хотим друг друга на самом деле.

Эстер почувствовала, как её дыхание участилось. Пистолет дрогнул в её руке.

— Вы не в том положении, чтобы предлагать сделки, лорд Блэквуд, — сказала она, и её голос наконец дрогнул — только на секунду, только на полтона. — Вы арестованы.

— Меня отпустили через час, — сказал он. — Не хватало улик. Я уже на свободе. — Он развёл руками, показывая, что на нём нет наручников. — Я пришёл к вам, потому что вы — единственная, кто не боится меня. И единственная, кто может мне помочь.

Она молчала, глядя ему в глаза.

Он не отводил взгляда.

И в его глазах не было лжи. Было что-то другое — темнота, боль, и странная, почти детская надежда, которую он тщательно прятал за циничной улыбкой.

— Вы не верите мне, — сказал он тихо. — И правильно делаете. Но поверьте одному: я не убивал этих женщин. И я хочу поймать того, кто это сделал. Так же, как вы хотите поймать убийцу своего мужа.

Эстер посмотрела на него.

Она видела его лицо в тусклом свете ночного Лондона. Его руки, лежащие вдоль тела, — без оружия. Его глаза — чёрные, с золотом, без страха и без лжи.

Она не верила ни единому его слову.

Но она хотела верить.

И это было самое страшное.

— Хорошо, — сказала она, опуская пистолет. — Я согласна. Но если ты предашь меня...

— Я знаю, — сказал он, и его улыбка стала шире. — Ты меня убьёшь. Я рассчитываю на это.

Он протянул ей руку — для рукопожатия, как делают мужчины.

Она не взяла её.

Она просто смотрела на него, чувствуя, как её сердце бьётся где-то в го

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.